

опирающиеся на способности человеческого разума, достойны лишь самого жестокого осуждения. Все они "умы спорливые и презрительные", занятые "праздными вопросами и разговорами", но не знающие истины, ибо "они еще ищут, стало быть не нашли".

Платона, Аристотеля, Эпикура, Гераклита, Эмпедокла и других мыслителей античности Тертуллиан считает "патриархами еретиков". Следовательно, все кто ищет истину на путях, показанных античной философией, попадают во власть дьявола, "тщеславного соперника" Господа, потому что именно дьявол "одушевляет всех ересиархов".

Тертуллиан приходит к однозначному выводу о том, что силы человеческого разума должны быть подчинены вере, что именно вера предоставляет человеку возможность прийти к истинному познанию. Более того, даже религиозное безумие выше всякой человеческой мудрости. "Не можешь быть истинно мудрым, – пишет Тертуллиан, – если не покажешься безумным в глазах мира, веря тому, что мир именуется безумием в Боге".

Развивая идеи о превосходстве веры над разумом, в трактате "О плоте Христовой" он пишет: "Я не нахожу лучшего предлога к посрамлению себя, как, презирая стыд, быть свято бесстыдным и счастливо безумным. Сын Божий был распят: я того не стыжусь, потому что как будто бы надобно стыдиться. Сын Божий умер: надлежит тому верить, потому что разум мой возмущается против этого. Он восстал из гроба, в котором был положен: дело верное, потому что кажется невозможным". Впоследствии эти слова Тертуллиана были перефразированы в ставший легендарным афоризм: "Верую, ибо абсурдно".

Несмотря на полное, казалось бы, неприятие античной философии, Тертуллиан не избежал ее влияния в некоторых своих трактовках отдельных положений христианского вероучения. Так, полностью отрицая материальность Бога, ибо Бог есть дух, он все же говорит о телесности самого Бога. Телесность эта нематериальна, но в то же время и отличается от чистого духа.

Так и человеческая душа, хоть и отлична от человеческого тела, все же обладает некой телесностью. По мнению Тертуллиана, душа человеческая была поселена Богом в Адаме и Еве, а затем передается из поколения в поколение посредством семени, сохраняя в себе как образ Бога, так и первородный грех прародителей человечества.

Подобные идеи, высказанные Тертуллианом, позднее были отвергнуты церковью, однако, в целом, его учение стало одним из оснований всей христианской теологии.

О СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ДУШИ

Публикуется по: Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 83–89.

1. Тому, кто пожелает из самых распространенных сочинений философов, поэтов или каких-нибудь других наставников языческой учености и мудрости заимствовать свидетельства христианской истины, дабы обличить ее недругов и гонителей при помощи их же сочинений как в собственных ошибках, так и в несправедливости к нам, – понадобится для этого великая любознательность и еще большая память. Некоторые, впрочем, – кто сохранил и прилежную любознательность, и твердость памяти в отношении прежней литературы, действительно снабдили нас небольшими сочинениями на сей счет. Они особо упоминают и приводят свидетельства относительно смысла, происхождения, преемства и доказательности тех суждений, из которых можно понять, что мы не внесли ничего столь нового и необычного, в чем не смогли бы снискать одобрения в самых распространенных и употребительных сочинениях, – хотя и отвергли кое-какие ошибки и привнесли некоторую правильность.

Однако невообразимое упрямство людское отказывает в доверии даже тем своим наставникам, которые считаются превосходными и наилучшими в прочих вещах, – лишь только у них найдут доводы в защиту христиан. Поэты-то да пусты, когда приписывают богам человеческие страсти и разговоры. Философы тогда глупы, когда стучат в двери истины. Некто будет считаться мудрым и благоразумным лишь до тех пор, пока не возвестит нечто христианское: ибо если он приобретет кое-какую мудрость и благоразумие, отвергая обряды или осуждая век сей, – его сочтут христианином. Поэтому у нас уже не будет ничего общего с сочинениями и учением о превратном счастье, где доверяют скорее вымыслу, чем истине. Кто-то, пожалуй, мог проповедовать о единственном и едином Боге. Но уж во всяком случае [нам] не сообщено ничего такого, что христианин счел бы невозможным порицать; то же, что сообщено, не все знают, а те, кто знает, не доверяют своему знанию, – уж очень далеки люди от признания наших сочинений, и к ним обращается лишь тот, кто уже стал христианином.